

0-749015

На правах рукописи

Торокова Евгения Семеновна

**ХАКАССКИЕ НАРОДНЫЕ БЫТОВЫЕ СКАЗКИ:
СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ И ПОЭТИКА**

Специальность 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Е.Торокова

Уфа
2005

Работа выполнена в отделе фольклора и искусства Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН

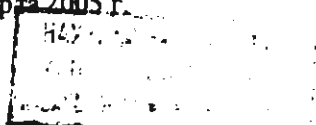
- Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Сулейманов Ахмет Мухаметвалиевич
- Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор Карпухин Иван Егорович
- кандидат филологических наук, доцент Галина Гульназ Салаватовна
- Ведущая организация – Башкирский государственный педагогический университет

Защита состоится «28» апреля 2005 года в _____ часов на заседании специализированного совета КР212.013.11 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук при Башкирском государственном университете по адресу: 450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, д. 32.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан «26» марта 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

З. Я. Шарипова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000125972

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. История собирания и публикации хакасских народных бытовых сказок началась со второй половины XIX века с появлением в печати первых записей А. А. Кузнецовой, Н. Ф. Катанова. Несмотря на то, что за это время был накоплен богатый материал по хакасским бытовым сказкам, их сюжетный репертуар еще не стал объектом специального научного исследования, чем и определяется актуальность данной работы. Классификация хакасских бытовых сказок по социально-классовой принадлежности главного отрицательного персонажа, которая была предложена исследовательницей хакасского фольклора М. А. Унгвицкой¹, используется и в настоящее время, несмотря на то, что этот социологический подход в научном плане себя не оправдал. Потому потребовалось применение научно обоснованных критериев и принципов классификации с учетом жанрово-видовых особенностей бытовых сказок.

Важнейшей и актуальной задачей исследования является также изучение хакасских бытовых сказок в сопоставительном аспекте со сказками других народов, что даст возможность определить национальное и межнациональное в сказочном фольклоре хакасов и узнать своеобразие их сказочной традиции, а заодно установить ее взаимосвязи со сказочным творчеством других народов. Основой для такого рода исследований является систематизация сюжетного состава хакасских бытовых сказок.

Необходимостью восполнить этот существующий пробел определяется актуальность предлагаемой исследовательской работы, представляющей первый опыт изучения сюжетного репертуара хакасских бытовых сказок.

Объектом исследования в данной диссертации является хакасская народная бытовая сказка.

Цель и задачи исследования. Основная цель работы заключена в изучении сюжетного состава хакасских бытовых сказок с выявлением его национальной специфики.

С учетом поставленной цели решались следующие задачи:

- провести типологическую классификацию сюжетов хакасских бытовых сказок по международному указателю сказочных сюжетов А. Аарне - С. Томпсона (АТ);
- выявить общее и особенное в хакасских бытовых сказках в кругу других тюрко-монгольских, восточнославянских сказок;
- рассмотреть контаминации сюжетов и мотивов в хакасских бытовых сказках; определить их значение и роль в раскрытии идейно-художественного мира хакасских сказок.

¹ Унгвицкая М. А. Хакасская бытовая сказка. Абакан 1966. 72 с.

Научная новизна работы состоит в том, что:

впервые дана общая характеристика сюжетного состава хакасских бытовых сказок;

- проведен сравнительный анализ типов героев хакасских сказок.
- составлен указатель сюжетов и мотивов хакасских бытовых сказок;
- проведено сопоставительное изучение сюжетов хакасских сказок с восточнославянскими, тюрко-монгольскими сказками;
- исследован вопрос контаминации сюжетов и мотивов в хакасских бытовых сказках.

Источниковедческой базой исследования являются материалы IX тома «Образцов народной литературы тюркских племен», собранные Н.Ф. Катановым, сказки, опубликованные в различных сборниках начиная с конца XIX века по настоящее время, материалы рукописного фонда Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, а также собственные записи диссертанта. Сопоставительным материалом служат аналогичные сказки других тюрко-монгольских и славянских народов, сверенные с международным сюжетным указателем А. Аарне – С.Томпсона (АТ), «Сравнительным указателем сюжетов восточнославянской сказки» (СУС).

Теоретической базой исследования послужили сравнительно-историческая концепция А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова и других ученых. Существенную методическую помощь оказали работы исследователей сказок других народов: В. П. Аникшина, Н. В. Ведерниковой, Э. В. Померанцевой, В. Я. Проппа, Н. И. Савушкиной, Н. В. Соболевой, Ю. И. Юдина, Е. С. Сидоровой, А. М. Сулейманова, Д. Я. Яшина, Е. Д. Турсунова, М. М. Алиевой, Е. С. Конкки и др.

Методологическая основа диссертации. В основу исследования положен комплексный подход, включающий сравнительно-исторический и историко-типологический методы исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем определено место жанра бытовой сказки в общей системе хакасской сказки как вида устно-поэтического творчества хакасов. В работе дается теоретическое обоснование принятой в ней сюжетно-тематической классификации хакасских бытовых сказок.

Практическая ценность диссертации определяется тем, что ее материалы могут быть использованы для научных описаний сюжетов сказок вообще и хакасских в частности, для составления указателей с общим типологическим анализом, например, энциклопедии сказок народов РФ.

Результаты исследования могут найти применение в практике преподавания курсов «Хакасский фольклор», «Хакасская народная бытовая сказка», специального курса «Контаминация сюжетов в бытовых сказках» в высших и средних учебных заведениях. Материалы диссертации могут

быть привлечены для сравнительно-сопоставительного анализа сказочного фольклора тюрко-монгольских народов и могут быть использованы при разработке теории национального юмора.

Апробация работы. Основные результаты исследования нашли отражение в докладах, сообщениях на научных конференциях: «Республиканская научно-практическая конференция студентов, аспирантов, молодых преподавателей факультета башкирской филологии и журналистики» (Уфа, 2000), «Традиции и культура народов Волго-Уральского региона» (Уфа, 2001), «IV республиканская научно-практическая конференция молодых ученых по социально-экономическим наукам» (Уфа, 2002).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, приложения, списка условных сокращений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении освещается история собирания, публикации и изучения хакасских бытовых сказок, определяется актуальность проблемы, излагается методология и методика исследования, характеризуются цели и задачи диссертационной работы.

Первая глава – «Сюжетный состав хакасских бытовых сказок». Хакасские бытовые сказки имеют много типологических сходств с бытовыми сказками других народов, поэтому при классификации их жанровых разновидностей был использован опыт исследователей аналогичных сказок. При классификации бытовых сказок хакасов приоритетное значение имели жанровые особенности сказки, то есть ее эстетическое начало. Она построена на принципе «определенный тип сюжета определяется определенными типами героев»¹. Хакасские бытовые сказки были разделены на две жанровые разновидности: 1) новеллистические сказки и 2) сатирические и юмористические сказки.

Первый раздел «Новеллистические сказки» состоит из четырех параграфов. По сюжетной типологии и по функциям персонажей новеллистические сказки разделены на следующие группы: 1) сказки о мудрецах, 2) сказки о влюбленных, верных и неверных женах, 3) сказки о строптивых женах, 4) сказки о людях с коровьими ногами.

Первый параграф «Сказки о мудрецах» посвящен рассмотрению типов героев-мудрецов хакасских новеллистических сказок, анализу сюжетных типов сказок, входящих в данный сюжетно-тематический цикл.

В типологии мудрецов хакасских бытовых сказок был использован опыт анализа типов мудрецов в башкирских бытовых сказках, предложенный А. М. Сулеймановым [1991]. По способу проявления мудрости

¹ Сулейманов А. М. Башкирские народные бытовые сказки: особенности сюжетного состава, типологии персонажей, жанровой проблематики и поэтики. Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 1991. – С. 1.

были выделены следующие типы мудрецов: 1. добрый советчик; 2. герой-отгадчик трудных задач; 3. героиня сказок на сюжет 875 В (Мудрая девушка).

Первый тип мудреца, доброго советчика, в хакасских сказках представлен в сюжетах типа АТ 910 В (Три добрых совета), АТ 911* (Отцовские советы), АТ 915 А (Неправильно понятые наставления). Советы мудреца имеют прямой, императивный характер или же обладают скрытым, инносказательным значением. Когда совет дается инносказательно, герою для правильного понимания смысла совета требуется помощь другого мудреца, так как буквальное следование сказанному приводит к отрицательному результату. В сказках этой подгруппы основное внимание отводится не герою, следующему примеру старших и действующему согласно их указаниям, а мудрым советам, в которых заключается смысл содержания и идея сказки. Советы, как правило, опережают последующее развитие сказочного действия, герой только следует им, он пассивен. В них дана установка на совершение правильного поступка, регламентировано поведение героя, которое определяется верностью выбора того или иного действия.

Второй тип мудреца представлен в образе героя – остролова, отгадчика трудных загадок, который благодаря своей находчивости, уму и мудрости выполняет различные трудные задачи–испытания и одерживает верх над своим противником (АТ 655 (Умные братья), АТ 671 Е* (Чудесный мальчик), АТ 725 А* (Иосиф Прекрасный), АТ 875 Е* (Спор о жеребенке), АТ 920 (Царь Соломон). АТ 921 А (Куда тратятся деньги), СУС 921 А*** (Меткие ответы) и др.). Включение в состав хакасских новеллистических сказок сюжетов типа АТ 671 Е*, СУС 725 А* связано с тем, что трудные задачи в них герой разрешает благодаря своему уму и знаниям, без помощи волшебных помощников и предметов.

Третий тип мудрецов – героиня сказок на сюжет типа АТ 875 (Мудрая девушка). В них разрабатывается мотив трудной задачи: героиня должна отгадать загадку, выполнить невыполнимые задания.

Во втором параграфе «Сказки о влюбленных, верных и неверных женах» исследованы сюжеты сказок двух тематических подгрупп: о влюбленных, о верных и неверных женах.

В сказках первой подгруппы героем является молодой человек, добивающийся руки невесты. Он проходит определенные брачные испытания, связанные с выполнением различных задач и с преодолением препятствий и трудностей на пути скрепления брачных уз со своей избранницей (АТ 851 (Неразгаданные загадки), АТ 851А (Турандот), АТ 853 (Царевна не находит ответа), АТ 926 С* (Сосватанные дети)). В бытовой сказке дано ироничное и насмешливое переосмысление действий и поступков героя волшебной сказки. Мотив социального неравенства в сказках этой подгруппы присутствует в изображении соперничества двух женихов, один из которых богатый, другой бедный. Здесь он является дополнительным

приспешеством для бедного жениха («Как богат и бедняк сватали девушку», АТ 926 С* (Соватанные дети).

Для хакасских сказок о влюбленных не характерно описание любовных романтических чувств и переживаний героя, пленившегося образом прекрасной незнакомки и отправившегося на поиски возлюбленной. Мы обнаружили лишь одну и то заимствованную сказку «Иван-царевич».

В сказках о верных женах испытаниям подвергается героиня. Она проходит через лишения и разлуку и в конце добивается справедливости (доказывает свою невиновность, наказывает клеветника), заново восстанавливает разрушенный семейный союз (АТ 881 (Оклеветанная жена), АТ 882 А (Спор о верности жены), АТ 883 А (Оклеветанная девушка), СУС 887* (Женевьева)). Находчивой и верной женой является героиня сатирически заостренных сказок на сюжет типа АТ 1730 (Священнослужители у красавицы).

Если сюжеты о неверных женах (АТ 1350 (Испытание верности), АТ 1410 (Исповедь жены ревнивца), АТ 1418 (Сомнительная клятва) и т.д.) бытуют в сказочном репертуаре многих народов, например, у русских, татар, башкир, узбеков, то в записях хакасских бытовых сказок мы их не обнаружили. Причину их отсутствия сейчас выявить трудно. В этой подгруппе сказок были исследованы варианты хакасских сказок на сюжет типа АТ 1725 (Влюбленный поп). Их основной конфликт (состязание в хитрости между неверной женой и работником бая) схож с русскими сказками, очевидно, что эти хакасские сказки были заимствованы из репертуара восточнославянских сказок.

В третьем параграфе «Сказки о строптивых женах» исследованы сказки на сюжеты типа 901 (Укрощение строптивой), АТ 1164 (Злая жена в яме); в первом сюжете изображены сцены укрощения строптивой молодой жены, во втором – бегство черта от злой и упрямой женщины.

Эти типы сюжетов многие исследователи [Пропп В. Я., 1984; Анкин В. П., 1959. и др.] рассматривают вместе с другими сюжетно-тематическими группами сказок о злых, ленивых и неверных женах и таким образом не учитываются функции персонажей этих сказок. Если в сказках о злых, ленивых и неверных женах героиня является субъектом действия, то в сказках о строптивых женах она – объект воздействия, когда герой сказки перевоспитывает свою строптивую жену.

Сюжет типа АТ 901 А (Укрощение строптивой) у многих народов бытует самостоятельно, тогда как в хакасском варианте он контаминируется с типами сюжетов АТ 1920 А (Лгала и Подлыгала), АТ 1533 (Дележ гуся). Оба сюжета относятся к разряду юмористических сказок и при этом имеют социально заостренный характер. В контаминации с ними тип АТ 901 А теряет свое основное идейное звучание, так как здесь перевоспитание строптивой жены дается как очередная трудная задача в споре героя со своим противником.

Отличаются и хакасские сказки на сюжет типа АТ 1164 (Злая жена в яме): они разработаны как юмористические и как новеллистические. Если юмористические сказки полностью совпадают с международным типом сюжета, то в новеллистическую сказку вводится рассказ женщины о ее похищении в подземном мире.

Создание большинства сказок о строптивых женах происходило, как считают ученые, в условиях господства патриархальных отношений, в эпоху феодализма, когда женщина подвергалась семейному гнету. Однако основой для этих сказок могли стать и анимистические представления древних людей о природе человеческих качеств – лени, строптивости, жадности и других как о живых существах. Безусловно, с течением времени сказки претерпели изменения под влиянием моральных норм патриархата.

Четвертый параграф «Сказки о людях с коровьими ногами». В этих сказках люди с коровьими ногами – инек-азах (букв.: с коровьими ногами) называются мусмалами или мохсагалами. Вопрос о происхождении мусмала и мохсагала в хакасском фольклоре остается не ясным, оба являются мифологическими персонажами.

Встречающаяся в этих сказках борьба между героиней и человеком с коровьими ногами, а также функции последнего – похищение и каннибализм – позволили нам провести сказочно-мифологическую параллель между ними и героями новеллистических сказок о жестоких разбойниках и смелой девушке (сюжеты типа АТ 956 А (Человек у разбойников), АТ 956 В (Девушка и разбойники), АТ 676 (Два брата и сорок разбойников) и др.). Эти международные сюжеты в фольклоре хакасов отсутствуют. Вероятно, наличие в хакасском фольклоре персонажей, по своим функциям схожих с разбойниками, – человека с коровьими ногами и хасхы (от др.-тюрк. *Qaşın* «беглый») не требовало заимствования этих сказок.

Среди сказок о людях с коровьими ногами были выявлены ранние сюжеты, где их образы реалистичны, и поздние сюжеты, в которых преобладает изображение исключительно демонических качеств этих персонажей, надделение их способностью принимать любое человеческое обличие. Если в сказках первых сюжетов героиня побеждает их благодаря своей храбрости, смелости (копает перед входом в дом глубокую яму, кипятит горячий кипяток; зимой убегает на лед), то во вторых сюжетах она использует знания охранительной магии (прячется в курятнике). Вторые сюжеты, по-нашему мнению, сложились в то время, когда для человека стало более занимательным и интересным само представление о существовании людей с коровьими ногами.

В содержании сказок о людях с коровьими ногами дана социальная оппозиция «своего» и «чужого»: для человека эти персонажи являлись «чужими».

Второй раздел «Юмористические и сатирические сказки» состоит из четырех параграфов: 1) сказки о хитрецах, 2) сказки о ловких и неудовлимым ворах, 3) сказки о глупцах, 4) сказки о хитром человеке и обманутом им фантастическом существе.

Первый параграф – «Сказки о хитрецах». Сюжеты этих сказок разнотипны, однако приемы обмана и хитрости являются общими для всех героев, что позволило нам выделить типы героев-хитрецов, использующих определенные приемы обмана.

Хитрецы первого типа выдают одно за другое, обычное за «чудо». Они используют следующие приемы хитрости: продают «чудесных» предметов, животных и птиц (типы СУС - 1548* (Ложечка-самосолочка), АТ 1539 (Шут)), допускают в результатах своих действий какой-нибудь алогизм, которому дают «логичное» объяснение (сюжет типа АТ 1381 (Болтливая жена и найденные сокровища)). Во всех сюжетах, где встречается прием хитрости «чудо», противник (противники) героя является глупцом. Но «чудо» может быть использовано хитрецом и как предлог, когда он хочет проучить человека, уверовавшего в свою премудрость, хитрость и т.д. (тип АТ 1530 (Держит скалу)). В данном случае инициатива состязания в хитрости и мудрости исходит от противника героя, и хитрец действует по принципу «хитрость за хитрость» (тип АТ 1920 В (Мне некогда (лгать))).

Хитрецы второго типа выдают себя за другого человека. Герой-хитрец изменяют свою внешность: он переодевается в девушку (прием травестизма) (тип АТ 1538* (Шут-невеста)) или облачается в одежды человека более высокого сословия, чем он сам (хитрец-бедняк в богатых одеждах выдает себя за богача). В последних сюжетах, как правило, присутствует судебный казус (тип АТ 1543 (Ни пени меньше)). Возможно, в этих сказках нашли отражение пародирование мотива оборотничества в волшебной сказке. Одурачивание и присвоение чужого имущества обманным путем в подобных сказках не осуждается и не порицается, напротив, считается проявлением смекалки и хитрости. Но герой-хитрец в ряде сказок может быть представлен двойко, когда смех вызывают не только его хитроумные проделки, олураченные им персонажи, но и он сам. В финале таких сказок и хитрец может остаться ни с чем (тип АТ 1655 (Выгодный обмен)).

Хитрецы второго типа также выступают в роли знахарей и исполняют присущие им функции: лечат больных, находят пропавшие вещи. В сказке их хитрость не разоблачается, а сама их «деятельность» проникнута веселым юмором (типы АТ 1358 А (Спрятанный любовник в виде черта), АТ 1641 (Знахарь)).

Третий тип хитрецов представлен в хакасских сказках о работнике и бае (или попе). В исследовании сказки разделены на две подгруппы, в каждой из них представлены разные типы работников-хитрецов. Сказки первой подгруппы состоят из контаминации различных сюжетов, объединенных мотивом «уговор не сердиться» (тип АТ 1000). Герой-хитрец под

видом глупца все приказы хозяина выполняет буквально сказанному и вынуждает его нарушить свой уговор (типы АТ 1003 (Пахота с собакой). АТ 1006* (Зарежь овцу, которая на тебя посмотрит). АТ 1009 (Сторожи дверь)).

К первому типу работников-хитрецов относятся герон сказок, в которых хитрый бай (или поп), нанявший работника за «щелчок по лбу», за «еду-питье в один присест», поручает герою выполнить трудные задачи (типы СУС 1004** (Медведь в упряжке), АТ 1072 (Состязание в беге), АТ 1071 (Состязание в борьбе)).

Второму типу работника-хитреца принадлежат герон сказок, где взаимоотношения работника и бая (и попа) построены на принципе «хитрость за хитрость» («Жадный поп», тип АТ 875 Е* (Спор о жеребенке) + отч. АТ 1536 А (Покойница-воровка)).

Исследователями бытовых сказок [Всдерникова Н. М., 1975; Померанцева Э. В., 1965, и др.] хозяин, обычно, характеризуется глупым, а его работник хитроумным. Однако в хакасских сказках о работнике и бае, как и в башкирских бытовых сказках [Сулейманов А. М., 1994], инициатива в хитрости исходит от хозяина. В споре в хитрости «кто кого» победу всегда одерживает работник, человек неимуший, в чем можно видеть проявление народных представлений о социальной справедливости.

Во втором параграфе «Сказки о ловких и неуловимых ворах» были рассмотрены основные сюжеты сказок этого цикла, выявлены особенности типа героя – ловкого вора.

Мотивы сказочного воровства имеют большую древность и восходят к представлениям о том, что первые вещи, первые семена, а также искусства и ремесла, равно как и культы, принесли людям культурные герои. Это высказывание В. Я. Проппа [1984] поддержал целый ряд ученых [Мелетинский Е. М., 1963; Турсунов Е. Д., 1973; Юдин Ю. И., 1975; Вавилова М. А., 1984; Сулейманов А. М., 1994].

Среди хакасов наиболее популярны сказки на сюжет типа АТ 1525 А (Ловкий вор), который часто соединяется с сюжетами типа АТ 1525Д (Вор обманывает прохожих), АТ 1737 (Царь или священник в мешке), а также с сюжетами и мотивами состязания хитреца с одураченным хозяином озера. Даже сказка «Парень, обучавшийся трем ремеслам» на сюжет типа АТ 950 (Сокровищница Рампсинита) имеет контаминацию с сюжетом типа АТ 1525 А (Ловкий вор).

Сюжет типа АТ 1525 А (Ловкий вор) отличается от других сюжетов о ловких ворах тем, что в нем используется принцип «гласности»: инициатором воровского поступка является сам хозяин богатства, народ как бы оправдывает своего героя. По мнению исследователей [Пропп В. Я., 1984; Ведерникова Н. М., 1975], то, что герой-вор всегда блестяще справляется с трудной задачей, связано с тем, что воровство в сказке – веселое занятие, целью которого является одурачивание барина. Следовательно, про-

твники вора – барин, поп или мужик – люди глупые, с неповоротливым умом [Юдин Ю. И., 1975; Сидорова Е. С., 1974]. Но принцип «гласности» изначально требует противоборства с равным противником, а значит «обворованный человек в данном случае просто терпит поражение в хитрости» [Сулейманов А. М., 1991].

Сюжетное развитие хакасского варианта сказки на сюжет типа АТ 950 (Сокровищница Рампиниты) полностью совпало с пересказом Геродота египетской сказки: серия краж, имеющая характер состязания между ловким вором и хозяином сокровищ в хитрости «кто кого обхитрит».

В хакасских сказках о ловких ворах герой предстает настоящим воров-профессионалом или обучающимся искусству воровства. Ведь в сказке воровство, прежде всего, – умение, требующее определенной подготовки. Если оценивать поступки ловкого вора как социальное зло, как об этом писали Д. М. Молдавский [1967], Е. Ф. Тарасенкова [1955] и др., то мы тем самым сведем воедино эстетическое и социальное и не будем отличать искусство от жизни. Сказка же использует прием утрирования, и в ней одобрение получает не само воровство, а способности и умения вора. В комико-драматические эпизоды сказки вложено совершенно рациональное зерно, которое можно понять и оценить только через смех.

Третий параграф «Сказки о глупцах» посвящен анализу основных типов сюжетов хакасских бытовых сказок о глупцах. В репертуаре этих сказок распространены сюжеты типа АТ 1696 (Набитый дурак), АТ 1685 (Дурак женится), АТ 1653А (Дурак и его братья ночуют в лесу на дереве), АТ 1287 (Не могут сосчитать), АТ 1260 (Варят толокно в проруби), АТ 1739 (Как поп телился), АТ 1600 (Дурак-убийца). Есть юмористические сказки, состоящие из контаминации сюжетов, например, «Святые съели сметану» (АТ 1572А* + АТ 1537* + АТ 1281А), «Про Григория» (СУС –1383* + АТ 1281А), «Как свистнули попа» (АТ 1643 + отч. АТ 1381 + СУС – 1006** + 1600).

Сказочный глупец в бытовой сказке, как и хитрец и ловкий вор, – активный тип, он всегда что-то предпринимает, совершает. Однако в отличие от героя сюжета типа АТ 1525 А (Ловкий вор), действующего под принуждением обстоятельств, глупец самостоятелен, он сам является инициатором «дурацких» поступков.

В действиях «круглого дурака» представлены различные виды сказочной глупости: мышление по аналогии, т.е. установление сходства, отождествление предметов по внешним, несущественным и случайным признакам, смешение и перестановка причины и следствия, неразличение субъекта и объекта, рода и вида. Исторически это объясняется тем, что виды сказочной глупости характеризуют особенности форм доисторического мышления, в котором логические категории рода и вида, субъекта и объекта или отсутствуют, или представляются неотчетливо. Но в настоящее время эти виды сказочной глупости являются приемами создания ко-

мического эффекта. Возможно, что в образе героя-глупца также пародируются поступки недалёких людей, действующих необдуманно. В жизни подобное не случается, и чтобы сильнее воздействовать на слушателей в сказке используется прием утрирования.

В работе также были рассмотрены основные концепции исследователь [Мелетинский Е.М., 1958; Турсунов Е.Д., 1973; Сулейманов А.М., 1994] по вопросу о генезисе образа глупца в бытовой сказке.

Четвертый параграф «Сказки о хитром человеке и обманутом им фантастическом существе» посвящен анализу сюжетов, связанных с персонажами хакасской мифологии – духами-хозяевами горы, воды и антропоморфными существами как Доля, Беда, Смерть. В них слабый, но хитрый человек одерживает победу над сильным, но глупым противником. Эти сказки по традиции иногда относят в разряд волшебных сказок, не обращая внимания на функцию персонажа и на то, используются или нет в разрешении конфликта волшебные средства. Если герой сказок побеждает фантастических существ своей хитростью, не пользуясь волшебством, то они должны быть отнесены к бытовым сказкам, точнее к бытовым юмористическим.

По характеру функций и действий героя-хитреца и противостоящего ему фантастического существа сюжеты хакасских сказок были разделены на две подгруппы.

Первую подгруппу составили сюжеты об обманутых духах-хозяевах горы, воды. В бытовой сказке они представлены в сниженном плане: их могущественная сила и власть терпят поражение в противоборстве с умом и находчивостью человека. Дух-хозяин горы – *таг ээзи* в бытовой сказке изображается нелепым, глупым. Все его попытки убить охотника неудачны, так как герой всегда обманывает его какой-нибудь хитростью («Охотник и хозяин горы» на сюжеты типа АТ 1115 (Попытка убить камнем), АТ 1149 (Дети хотят чертова мяса)). Дух-хозяин воды – *суг ээзи* в состязании-споре с человеком всегда проигрывает ему (типы АТ 1045 (Угроза морщить озеро веревкой), АТ 1071 (Состязание в борьбе), АТ 1072 (Состязание в беге), АТ 1063 (Кто дальше бросит гиру) и др.).

Сюжеты сказок об одураченных духах-хозяевах горы и воды имеют ограниченное количество. Причиной этому могло быть существование у хакасов культа гор, в картине мира которых духи-хозяева гор являются одним из главных компонентов. Ведь и сейчас образ духа-хозяина горы не утратил своей значимости в мифологическом сознании современных хакасов. И такому почтительному, уважительному отношению к духам-хозяевам гор больше соответствует образ, созданный в волшебных сказках, где они выступают в качестве чудесного дарителя.

В сказках второй подгруппы сказочные персонажи как Беда, Доля, Смерть, обозначающие абстрактные понятия, представлены живыми существами. Хакасские сказки о Бедѣ даны в устойчивой контаминации сю-

жетов типа АТ 735 (Две Доли), АТ 735 А (Беда). В способе избавления героя-хитреца от Беды (поместив ее в коробку или в мешок, топил в озере) прослеживается сходство с приемом заключения духов-онгонов в леканы, описанного Д.К. Зелениным в культе онгонов у сибирских народов. У хакасов этот культ известен как обряд почитания тёсей.

В исследовании отмечается, что из числа известных международных сказочных сюжетов о Смерти и находчивом человеке в хакасском материале обнаружена только одна сказка, состоящая из интересной контаминации сюжетов и мотивов типа АТ – (Смерть спрашивает кого ей есть) + АТ 332 F* (Смерть, загнанная в бутылку или флягу). Основное содержание и идейно-художественное воплощение мотива «Смерть спрашивает, кого ей есть» в этой бытовой сказке и в мифологической легенде, записанной Н. Ф. Катановым [1894], показывают, как они различно интерпретируются в этих жанрах: если в бытовой сказке Смерть терпит лишения и находится на службе у героя, то в мифологической легенде проделки героя-хитреца раскрываются и он несет наказание. Таким образом, мифологический мотив в бытовой сказке пародируется и трактуется в комическом плане.

Во второй главе «Взаимодействие и взаимосвязи хакасских бытовых сказок со сказками других народов» дана общая характеристика репертуара хакасских бытовых сказок в сравнительном плане со сказками тюрко-монгольских и восточнославянских народов; выделены локальные и международные сюжеты в составе бытовых сказок хакасов.

В разделе «Общие сведения» рассматриваются теоретические положения и тезисы А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского о проблемах сюжетных сходств в фольклоре, в частности, о заимствованиях в сказках; определяются позиции Н. Ф. Катанова в решении этих вопросов в фольклоре хакасов.

Во втором разделе «Локальные сюжеты в составе хакасских бытовых сказок» дан анализ сюжетов, известных в фольклоре тюркских и монгольских народов и не отмеченных в международном указателе сказочных сюжетов Аарне-Томпсона. Кроме того, были выявлены узколокальные сюжеты, бытующие лишь в фольклоре хакасов.

Общая историческая судьба, многовековые межэтнические контакты, сходство хозяйственно-культурного типа и, наконец, следование одной системе верования (шаманству), – все это явилось благодатной почвой для создания общего сказочного фонда народов центрально-азиатского региона. Выявленные локальные сюжеты в составе хакасских бытовых сказок показали, что такая историко-типологическая общность сюжетов наблюдается в сказках, отражающих отдельные моменты из религиозной и хозяйственно-бытовой сфер жизни хакасов.

В большинстве сказок с локальными сюжетами нашли отражения религиозно-мифологические представления их носителей – хакасов, в них

главной темой являются взаимоотношения героя с персонажами национальной мифологии – демоническим существом юзютом, духами-хозяевами горы-воды. В инонациональных вариантах им соответствуют персонажи, характерные для фольклорной традиции носителей этих сказок, – шулмусы, албаны, албасты, черти, дэвы, великаны и т.д.

При сравнительно-типологическом анализе хакасской сказки «Харызах и юзют» (тип АТ –.) с бурятскими и казахскими вариантами было установлено, что эпизод одурачивания злых духов (езета, албасты) во всех вариантах является центральным и для всех сказок характерны комическое изображение противника героя. В целом, хакасский вариант подтвердил мнение Е. Д. Турсунова [1973] о том, что основой для сюжета послужила шаманская легенда о возвращении шаманом души, похищенной злым духом. В таком же сравнительном аспекте исследовалась хакасская сказка «Атыгчи Адор» (тип АТ –. + отч. СУС – 735 А****(Три Лихорадки)). В отличие от юмористических сказок алтайцев, бурят, татар, башкир, русских и других народов о герое-хитреце, назвавшемся «Прошлым годом» и зашившем руку албасты, шурале или черту, в хакасском варианте герой убивает его из ружья. Возможно, что на развязку этого сюжета повлияли произведения несказочной прозы хакасов, в которых герой расправляется с хозяевами-духами гор и т.п. с помощью ружья.

Общность хозяйственно-культурного типа хакасов и ряда тюрко-монгольских народов наблюдается в бытовании сюжета сказки «Свекровь и сноха» (тип АТ –.). По Дж. Дж. Фрззеру и Д. К. Зеленину, ее сюжет возник на основе запрета на произнесение женщиной имен мужа, его родственников, а также обычая «избегания», этикета, соблюдаемого замужней женщиной по отношению к родственникам мужа. При сопоставлении хакасской сказки с казахскими и бурятскими вариантами обнаружилось, что хакасские и казахские сказки являются юмористическими, в них смысл запрета уже забыт и все свелось к шутивому высмеиванию строгого нрава свекрови. Тогда как бурятские разработаны в новеллистическом плане, и в них героиня сумела соблюсти и запрет на произнесение имен родственников мужа, и правила этикета, требующие уважения к старшим.

В отличие от инонациональных вариантов волшебных сказок с демоническими существами, хакасские сказки не имеют волшебного вымысла и являются бытовыми, так как герой сказок – охотник, рыбак, простой человек побеждает противников с помощью смекалки и находчивости. Если противники героя и представляются мифологическими существами, в отличие от персонажей волшебных сказок они также олицетворяют собой те препятствия, которые предстоит преодолеть человеку в реальной жизни, то есть они являются образными воплощения этих трудностей. Эту особенность хакасских бытовых сказок мы объясняем тем, что, несмотря на типологическую общность, сказочная традиция каждого народа складывается по-своему, в определенной культурно-эстетической среде, что под-

тверждает анализ хакасских бытовых новеллистических сказок о людях с коровьими ногами – мусмале с их инонациональными вариантами волшебных сказок с персонажами как шулмус, албын, мангыс, мус. Сюжетная линия хакасской бытовой сказки «Как женщина избавилась от мусмала» (тип АТ –.) совпадает с алтайской волшебной сказкой «Албын и молодая женщина»: женщина теряет сына и находит его у мусмала (албына), показывает свою грудь ребенку, когда тот подползает к ней, хватая его и спасается бегством. Но если в алтайской волшебной сказке героиня проходит испытание и обретает чудесных помощников, помогающих ей найти сына, а потом и спастись от преследовательницы (АТ 480 А*, АТ 451), то героиня хакасской бытовой сказки сама находит ребенка и при бегстве полагается на знание слабой стороны мусмала – его неспособности ходить по льду.

В третьем разделе «Международные сюжеты в составе хакасских бытовых сказок» рассмотрены их национальные варианты, проведен сопоставительный анализ этих сюжетов с их инонациональными вариантами. Был исследован и вопрос о заимствованных сюжетах восточнославянских сказок в репертуаре хакасских бытовых сказок.

Хакасские сказки о мудрецах на сюжеты типа АТ 875 (Мудрая девушка), АТ 920 (Царь Соломон), АТ 921 (Невестины загадки) и другие по своему изображению характера сказочного конфликта, образов и действий героев ничем не отличаются от их инонациональных вариантов. Лишь сказка «Ума хватает, денег нет» (тип АТ 887 А* (Купленная жена)) в хакасском варианте имеет другую интерпретацию, отличающуюся от вариантов сказок, представленных в «Сравнительном указателе сюжетов восточнославянской сказки».

Хакасские сказки о верных женах на сюжеты типа АТ 881 (Оклеветанная жена), АТ 882 А (Спор о верности жены), 883 А (Оклеветанная девушка) известны в фольклоре многих тюркских народов – азербайджанцев, казахов, узбеков, башкир, татар. В хакасских материалах встречаются две разновидности сюжета типа АТ 882 А (Спор о верности жены). В сказки первого варианта введен эпизод сюжета типа АТ 613 (Правда и Кривда): героиня, подслушав ночной разговор птиц или старика, выполняет их. Аналогичные сказки имеются у татар, бурят. Во втором варианте героиня, переодевая в мужское платье, проходит испытание на ханство: в ее руках должна загореться свеча. Эпизод выбора хана с помощью свечей встречается в восточнославянских сказках, а в тюркских сказках (в башкирских, казахских и др.) выбор будущего правителя происходит с помощью птицы беркута.

Сравнительно-типологический анализ хакасской сказки «Алтын Чачах» на сюжет типа АТ 896 (Развратный святой человек и девушка в коро-

¹ Алтайские народные сказки / Сост. Т.М. Садалова. – Новосибирск: Наука, 2000

бе) с вариантами сказок тувинцев «Рыбак Багаи-оол» и монголов «Девушка Алтан-Зула» показал особенности каждого национального варианта. Международный сюжет типа АТ 896 зафиксирован в письменном источнике «Волшебный мертвец», известного также под названиями «25 рассказов Веталь», «Рассказы Роланга», «Сидди-Кюр». Таким образом, все три национальные варианты имеют один общий источник. Сюжеты хакасского и тувинского вариантов сказки одинаковы: девушку спасает парень-рыбак, а развратный шаман (лама) наказывается. И если сюжетное действие хакасской сказки на этом завершается, то к тувинскому варианту присоединяется новый, неучтенный в АТ сюжет. Эта контаминация сюжетов дает новое идейное содержание всей сказке. В конце сказки герой становится ханом, и такой финал больше характерен для волшебных сказок, чем бытовым. В монгольской сказке присоединение сюжета не требовалось изначально: геронню спасает принц и она становится его женой.

Хакасские сказки о строптивых женах представлены международным сюжетом типа АТ 1164 (Злая жена в яме). На сходство сагайской сказки о злой жене и черте с сербской сказкой впервые обратил внимание исследователь этнографии и фольклора тюркских народов Н. Ф. Катанов. В своей статье [1897] он отметил, что такие сказки встречались ему у многих тюркских народов. Приведенный им вариант сказки имеет новеллистический характер, в нем явно звучит ее назидательность. В остальных хакасских вариантах сказки сюжет развивается аналогично сказкам других народов, совпадая с сюжетным типом АТ 1164.

Среди хакасских сказок о хитрецах широко распространены сказки на сюжет типа АТ 1539 (Шут). Так как эти сказки часто носят остросоциальную направленность, то в вариантах хакасских сказок противники героя-хитреца – простые охотники, его друзья и братья часто подменяются на попов и баев. Такая же подмена противника героя происходит в сказках о хозяине и его работнике, где вместо бая хозяином изображается алчный, жадный поп.

В цикле сказок о хитреце и обманутом им фантастическом существе была проанализирована сказка «Беда» в сопоставлении с ее национальными вариантами в фольклоре карел, русских, бурят, башкир.

Вопрос о заимствовании сказочных сюжетов в фольклоре хакасов был затронут исследователями с самого начала записи и публикации национальных текстов. Так, при сборе фольклорных материалов Н.Ф. Катанов одним из первых обратил внимание на близкое сходство некоторых записанных им хакасских сказок с русскими, поэтому в паспортизации текстов указывал, знает ли исполнитель русского языка, где, когда и у кого он услышал и усвоил данное произведение.

¹ Тувинские народные сказки / Сост. З.Б. Самдан. – Новосибирск: Наука, 1994.

² Вошебный мертвец / Пер. Б.Я. Владимирцова. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958.

В дальнейших публикациях хакасских сказок составителями и отмечалось, что в сказочных жанрах хакасов заимствованные сюжеты занимают значительное место, однако этот вопрос специально нами не изучался. Можно отметить лишь статью Б. И. Балтера «Русская сказка в фольклоре хакасов» [1956], в которой автор дал оценку процессу усвоения хакасскими сказочниками сюжетов русских сказок. По его мнению, это происходит двумя путями: 1) через заимствования, прямой перевод и 2) через творческую переработку с внесением в сказку национальных особенностей, когда лишь по отдельным мотивам можно узнать влияние на нее русской сказки. Его поддержала М. А. Унгвицкая [1966], писавшая, что жанр бытовой сказки в хакасском фольклоре начал складываться только в XVIII в. и окончательно оформился в XIX в., в связи с развитием капиталистических отношений в хакасском аале. Такое ее категорическое утверждение строилось с позиций примененного ею социально-классового подхода в изучении хакасской бытовой сказки, когда отрицательные сказочные персонажи – царь, поп, бай, шаман и вправду могли быть соотнесены с определенным историческим временем. Однако считать, что жанр бытовой сказки хакасов начал складываться в XVIII в., будет неверно, вероятно, в то время начинался процесс заимствования хакасами восточнославянских сказок. Частично, это признала и сама исследовательница, когда в этой же своей работе отметила, что заимствованные сюжеты в ходе творческой переработки приобретали национальные черты, благодаря наличию у хакасов своей национальной сказочной традиции.

Хакасы русские заимствованные сказки называли «орыс нымах» (букв.: русская сказка), «хазах нымах» (букв. казачья сказка). Такими сказками являются «Степан» (тип СУС 911* (Отец дает сыну советы), «Царица и косуля» (тип СУС –887* (Женевьева)).

В Сибирь на поселение крестьяне ехали из центральных, южных районов России. Оказавшись в иноэтническом окружении, переселенцы стремились сохранить фольклор своей местности, потому в их сказочном репертуаре наблюдаются и локальные особенности их фольклорной традиции. Как правило, при усвоении таких сказок хакасы – их новые носители, сохраняли эти локальные особенности. Так, при анализе хакасской сказки «Про Григория» (тип СУС –1383* (Одураченный муж), АТ 1281А (Избавляются от теленка)) с ее русским и украинским вариантами было выявлено, что хакасский во многом совпадает с украинским вариантом, чем с русским, и возможно, что был усвоен с украинского варианта.

В процессе заимствования в фольклор хакасов переходили наиболее популярные сюжеты восточнославянских сказок, образная система хакасской сказки пополнялась новыми персонажами. Образы попа и солдата в новой этнической среде не утратили своих национальных черт. Это можно наблюдать в сказках про смекалистого и находчивого солдата на сюжеты типа СУС – 1548* (Ложечка-самосолочка), СУС –921 А*** (Меткие отве-

ны), СУС – 855* (Солдат и царевна). Поп остался быть излюбленным героем сатирических и юмористических сказок о хитрецах, глухцах на сюжеты типа АТ 1725 (Влюбленный поп), АТ 1730 (Священнослужители у красавицы), АТ 1739 (Как поп телился), 1775 (Голодный поп), 1572 А* (Святые съели сметану).

Было отмечено, что наибольшее число заимствований сказок приходится на сатирические и юмористические сказки. Это можно объяснить с актуальностью звучания в них критического отношения к явлениям, имевшим место в действительной жизни носителей сказок. Под влиянием русских сказок в хакасских народных бытовых сказках острее стала звучать ее социально-сатирическая направленность.

Заимствованные сказки хакасскими сказочниками всегда творчески перерабатывались. При этом структура сюжета сказки оставалась без изменений, а ее содержание, основная идея приспособлялись к мировоззрению, эстетическим вкусам хакасских слушателей.

В третьей главе «Поэтика хакасских бытовых сказок» мы попытались исследовать одну из проблем поэтики бытовых сказок – контаминацию сюжетов и мотивов и на материале хакасских бытовых сказок выявляли типы и принципы контаминации их сюжетов и мотивов.

Проблема контаминации сюжетов и мотивов в бытовых сказках никем специально изучалась, поэтому мы учли имеющийся опыт анализа этого явления в волшебных сказках [Ведерникова Н. М., 1972; Иванова Т. Г., 1981; Матвеева Р. П. 1990] и использовали в основе исследования понятия о самостоятельных и «незавершенных» сюжетах, введенные Н. М. Ведерниковой.

В разделе «Контаминации сюжетов и мотивов в хакасских бытовых сказках» были рассмотрены способы и типы контаминации самостоятельных и «незавершенных» сюжетов и мотивов.

По способности сюжетов хакасских бытовых сказок быть самостоятельными или контаминированными, были выделены три подгруппы сюжетов и мотивов. Сюжеты и мотивы первой подгруппы охарактеризованы нами как самостоятельные. Они состоят из одного центрального мотива, который передает наиболее характерный для этого сюжета драматичный момент, когда ввод побочных мотивов, т.е. дополнительных пояснений, не требуется и все повествование подчиняется основному действию, имеющему логическое завершение.

Во вторую подгруппу вошли сюжеты и мотивы, которые могут быть как самостоятельными, так и контаминированными. Контаминация самостоятельных сюжетов логически не мотивирована, и на стыке двух сюжетов в качестве связки сказочник использует переходные формулы как: «он (герой) пошел дальше», «так вот однажды» и др. Такие контаминации не устойчивы и легко распадаются.

В соединении самостоятельных сюжетов и мотивов мы выделили два типа контаминации.

В первом типе контаминации сюжеты и мотивы входят в один сюжетно-тематический цикл сказок с однотипным героем. Контаминация сюжетов усиливает основную тему сказки, образ героя в ней раскрывается более полно, чем в сказке, состоящей из одного самостоятельного сюжета. Этот тип контаминации самый распространенный.

Во втором типе контаминации сюжетов, входящих в разные сюжетно-тематические циклы одной разновидности сказок, происходит подмена героя одного типа другим типом, потому он охарактеризован нами как разнотипный. Содержание сказки за счет контаминации становится разноплановым, а ее идея более глубокой. Этот тип контаминации наблюдается в сказках, где герой хитрец становится ловким вором, глупец – хитрецом. Некоторые фольклористы в контаминации сюжетов и мотивов из разных сюжетно-тематических групп видят проявление нерасчлененности образов дурака, хитреца и вора в бытовой сказке, что не совсем верно. Вероятно, что такая контаминация больше связана с существованием логической взаимосвязи этих типов героев друг с другом. Например, ловкий вор в сказке использует те же приемы обмана, которые обычно используются хитрецом, кроме того, завязкой сказок о неуловимых ворах часто служит выдвигание условия спора между героем и его антагонистом (АТ 1525А (Ловкий вор)). Таким образом, разрешение трудной задачи с помощью хитрости сближает сказки о ворах с сказками о хитрецах, а их героев друг с другом: перед обоими стоит одна задача – обхитрить, одурачить противника, оба действуют по принципу «хитрость на хитрость». В хакасском материале подтверждением тому являются сказки о ловком воре, содержащие контаминацию сюжетов и мотивов состязания героя с хозяином озера в борьбе, в беге, в бросании гири. Аналогичным образом обстоит дело с типами героев хитреца и глупца: хитрец действует под видом глупца и его «глупость» – это, прежде всего, проявление хитрости, выявлены сказки, содержащие контаминации сюжетов и мотивов новеллистических и юмористических сказок, герой которых проявляет черты, присущие типам героев этих жанровых разновидностей бытовых сказок. В ходе повествования герой предстает мудрецом, влюбленным или хитрецом. Было установлено, что контаминация сюжетов новеллистических и юмористических сказок происходит при вводе в сказку социальной заостренности. Это проанализировано на примере сказки «Опытный Иван» (тип АТ 1920 А (Лгала и Подлыгала) + АТ 901 (Ухрощение строптивой) + АТ 1533 (Дележ гуся)).

В сказках контаминированные самостоятельные сюжеты могут быть и лишь эпизодом. Сказочник, используя прием «сказка в сказке», по своему усмотрению может включать или пропускать эти сюжеты, если они не призваны содействовать разрешению основного конфликта сказки. В та-

ких сказках меняются типы героев, и что разнообразие типов героев способствует использованию контаминации типов сюжетов разных тематических групп. Такая контаминация самостоятельных сюжетов характерна для восточной сказочной традиции (см. сказки из «1001 ночи»), в хакасских сказках она практически отсутствует.

Третья подгруппа сюжетов и мотивов представлена сюжетами, которые самостоятельно не встречаются и используются только в контаминации. Н. М. Ведерникова охарактеризовала их как «сюжетные образования»: для организации самостоятельных сказок им не достает какого-либо сюжетного звена – завязки, логической завершенности или мотивированности. Количество таких сюжетов и мотивов ограничено.

Были выделены сюжеты и мотивы, встречающиеся в начале и середине хакасских бытовых сказок – типы АТ 875 Е* (Спор о жеребенке), АТ 1000 (Уговор не сердиться), АТ 1542 И (Шутки дома оставил), СУС 1006** (Убей большого барана), в конце – типы АТ 1536 В (Мужик хоронит трех попов), АТ 1281 А (Избавляются от теленка), АТ 1573* (Работник ссорит всю семью).

В число «незавершенных» сюжетов были включены сюжеты и мотивы, представляющие собой микро-эпизоды (типа АТ 1045-1115, типа АТ 1000-1009). Они зависимы от основного сюжета и мотива, задающего им общую тему. Но при наличии однотипного героя и общей мотивированности эти сюжеты и мотивы могут вступить в контаминации друг с другом и образовать самостоятельную сказку, например, «Рыбак и хозяин воды» (АТ 1071 (Состязание в борьбе), АТ 1063 (Кто дальше бросит плетку)). Для «незавершенных» сюжетов характерен первый тип контаминации сюжетов.

В контаминации сюжетов наблюдается зависимость присоединяемого сюжета от типа героя сказки: последующий сюжет должен соответствовать идейно-тематической направленности предыдущего сюжета. На примере пяти хакасских сказок, содержащих контаминацию сюжета типа АТ 875 Е* (Спор о жеребенке), было установлено, что три из них принадлежат сюжетно-тематическому циклу сказок о мудрецах, а две – циклу сказок о хитрецах. Если в первых сказках сюжет типа АТ 875 Е* (Спор о жеребенке) содержит главный мотив сказки, то во вторых -- он является вольным эпизодом, завязкой сказки.

В разделе «Локальные особенности контаминации сюжетов в хакасских бытовых сказках» затронут вопрос о сюжетных контаминациях локального характера.

Были выделены сюжеты, состоящие в устойчивой традиционной контаминации (тип АТ 976А (Спор о пропавшем золоте)+АТ 655 А (Заблудившийся верблюд и умный вывод)+АТ 655 (Умные братья). Устойчивость традиционной контаминации сюжетов сохраняется и при присоединении к ним новых других сюжетов.

В составе хакасских бытовых сказок, содержащих контаминацию сюжетов и мотивов, были выявлены узлокальные контаминации. Одни из них представлены в контаминации локального сюжета с другим сюжетом, другие – в контаминациях, встречающихся только в одной территориально ограниченной местности.

Хакасские бытовые сказки, как указано в их паспортизации, в основном были записаны от самых известных хакасских сказочников-сказителей С. П. Кадышева, М. К. Доброва, Е. П. Миягашева, К. А. Канзычакова и других. Наличие обширного сказочного репертуара позволяло им присоединять различные сюжеты и мотивы и доводить сказку до конца. Возможно, этим объясняется отсутствие в хакасских сказках сюжетов, соединения которых произошли бы так называемым механическим способом контаминации.

В заключении диссертации сформулированы основные итоги исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Торокова Е.С. Эстетическая функция образа Плевшива в сказочном и эпическом творчестве // Материалы конференции студентов, аспирантов, молодых преподавателей факультета башкирской филологии и журналистики – Уфа: Издание Башкирского государственного университета, 2000. – С. 131-133.

2. Торокова Е.С. К вопросу о магической функции сказок // Материалы IV республиканской научно-практической конференции молодых ученых по социально-экономическим наукам. – Уфа: Издание Башкирского государственного университета, 2003. – С.123–128. (в соавторстве с Сулеймановым А.М.)

3. Торокова Е.С. «Образцы народной литературы тюркских племен», собранные Н. Ф. Катановым, как источник изучения сказочного фольклора хакасов // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию Н. Ф. Катанова. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2003. – С. 192–200.

4. Торокова Е.С. Особенности контаминации сюжетов в хакасских бытовых сказках // Материалы научно-практической конференции «Возвращение наследия Николая Федоровича Катанова на родину»: Сб. ст. / Под ред. Тугужековой В. Н., Данькиной Н. А. – М.: НОВЫЙ КЛЮЧ, 2003. С. 92–104.

5. Торокова Е.С. Хакасские бытовые сказки как этнографический источник изучения духовной культуры народа // Материалы II конкурса научных работ молодых ученых и аспирантов УНЦ РАН и АН РБ. – Уфа: Гилем, 2004. – С. 103–105.

6. Торокова Е.С. Хакасские народные сказки в Рукописном фонде ХакНИИЯЛИ (к истории их собирания и публикации) // 60 лет ХакНИИЯЛИ. Ученые записки. - Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2005. - Вып. 22. С. 131-142.

Торокова Евгения Семеновна

**ХАКАССКИЕ НАРОДНЫЕ БЫТОВЫЕ СКАЗКИ:
СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ И ПОЭТИКА**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Подписано в печать 21.03.2005 г. Бумага офсетная. Формат 60x84/16.

Гарнитура Times. Отпечатано на ризографе.

Усл.печ.л. 1,37. Уч.-изд.л. 1,59. Тираж 100 экз. Заказ 05–2

Редакционно-издательский отдел

*Центра этнологических исследований УНЦ РАН
450098, РБ, г. Уфа, ул. Б. Давлеткильдиева, 5/2.*

Отпечатано на множительном участке

*Центра этнологических исследований УНЦ РАН
450098, РБ, г. Уфа, ул. Б. Давлеткильдиева, 5/2.*

102